Спящий бог. 018 секс, блокчейн и новый мир

Автор:
Неустановленный автор

Спящий бог. 018 секс, блокчейн и новый мир

Неустановленный автор

Жизнь похожа на автомобиль, управляемый со спутника. Человек сидит на заднем сиденье. Он понятия не имеет, куда в итоге хочет приехать. Машина продолжает свой путь, а человек смотрит по сторонам. И однажды он видит вдалеке кладбище… Многих не устраивает жизнь в колее. Им хотелось бы ехать туда, куда они хотят, а не куда ведет дорога. Но чтобы ехать к своей цели, нужно знать цель жизни. Где человеку взять такую цель? Принять на веру чьи-то умствования или откровения? Но если человек ничему не хочет верить, если он хочет знать, ничего не остается, кроме как разбираться самому. Это резкая книга. Размышления привели меня к отрицанию привычных понятий добра и зла, традиционной морали и нравственности, старых норм и табу. Многих это отпугнет… Но я написал книгу с целью собрать группу для восхождения на гору. Кто ничего не ищет, кому все в жизни понятно – таких я хочу оттолкнуть. Они для меня пустая порода. Моя аудитория – страстно ищущие люди.

Спящий бог. 018 секс, блокчейн и новый мир

«Есть только одна вещь сильнее всех армий в мире.

Это идея, время которой пришло».

Виктор Гюго

© ООО «Издательство АСТ», 2020

Предисловие

Представьте поезд, вместивший в себя человечество. Впереди состава – локомотив. В его кабине огромные боковые и лобовые стекла. Максимальный обзор позволяет принимать решение на развязках, выбирая, куда направить состав – направо или налево.

За локомотивом следуют пассажирские вагоны. Лобового стекла там нет. Зато есть большие боковые окна. К ним можно прижаться щекой и заглянуть вперед. Но горизонт уже не тот. Максимум, видны контуры ближайшего будущего.

За пассажирскими вагонами следуют товарные. В них нет окон, только щели, через которые можно увидеть мелькающие кадры внешнего мира. Вперед через щели уже не заглянешь, как ни прижимайся к стенкам вагона.

Замыкают состав цистерны. В них тоже едут люди. Цистерна – герметичный объем без окон и щелей. Туда не проникают ни звук, ни свет, ни запах внешнего мира. Если у людей пассажирских и товарных вагонов возможна цель за рамками вагона, то у людей цистерны такая цель невозможна. Потому что у них нет понятия «вне» цистерны. Для них понятие «существование» ограничено рамками видимого пространства бочки.

Итак, первая группа людей, едущая в локомотиве, знает реальность внешнего мира в той же мере, в какой реальность внутреннего пространства локомотива. Они видят цель за рамками текущей жизни и на практике ориентируются на эту путеводную звезду.

Вторая группа людей знает о внешнем мире. Понимает, что там может быть цель. Они могут поговорить о мире за границами вагона, пофантазировать на тему, что он такое и какие в нем могут открываться перспективы. Но так как никакой цели они для себя там не видят, дело дальше разговоров не идет. Все их ориентиры только внутри вагона.

Третья группа людей тоже знает о внешнем мире. Любой сомневающийся может в этом убедиться, заглянув в щель. Но щель – не окно. Ясной картины через нее не увидеть. Потому мир за рамками вагона для них больше абстракция, чем реальность. Хотя они не отрицают, что за рамками что-то есть, и, следовательно, там можно иметь цель. Но это в теории. На практике они сосредоточены исключительно на целях внутри вагона.

Четвертая группа людей – у кого нет самого понятия «внешний мир». Они не могут даже предположить цель вне цистерны, потому что у них нет понятия «вне цистерны». Для них это звучит примерно как «вне Вселенной». Единственная их реальность – пространство внутри цистерны.

Человечество распределено по составу в такой пропорции: в локомотиве едет малая часть – один из миллиона (или даже из десяти, из ста миллионов). Сотые доли процента едут в пассажирских вагонах. Десятые доли процента – в товарных. Примерно 99,9 % человечества совершает жизненное путешествие в герметичных емкостях-цистернах.

Длительное время я находился в цистерне. Горизонт видения был соответствующий. Мышление тоже. Мои цели были просты и незамысловаты, в рамках пить/есть, искать деньги и покупать на них разные удовольствия и вещи (большей частью ненужные). Я не задавался вопросом, с какой целью это делаю. Я выполнял предписания системы.

Однажды у меня возник вопрос: а какой во всем этом смысл? Вот я родился, живу, что-то делаю каждый день… А зачем? Нужно ли мне это? Правильно ли то, что я делаю? Чего же я хочу в конечном итоге? Могу ли я хоть что-нибудь из того, к чему стремлюсь, назвать смыслом своей жизни? Могу сказать, что вот именно для этого я родился?

Проведя ревизию своих целей, я обнаружил, что ни одна цель не тянет на смысл жизни. Я не знал ответа ни на один вопрос. Получалось, моя жизнь абсолютно бесцельная и совершенно бессмысленная. С одной стороны, неприятно было сознавать этот факт. Но с другой стороны, а как еще назвать жизнь, в которой отсутствует главная цель и смысл?

Современным людям не нравится вопрос о смысле жизни. Потому что ответить на него нечего. Называть смыслом карьеру или деньги невозможно. Сказать, что

главная цель жизни – посадить дерево, построить дом и воспитать ребенка… Такое больше похоже на лозунг, вуалирующий бессмысленность жизни.

Как назвать жизнь, смысла которой не знаешь? Рациональный ответ на такой вопрос выглядит как ругательный, и люди не хотят примерять его на себя. «Эта роль ругательная, и попрошу ее ко мне не применять» (к/ф «Иван Васильевич меняет профессию»).

Начав размышлять о смысле жизни, я был уверен, что быстро найду ответ. Но вместо этого появлялись новые вопросы, еще более сложные. Например, что есть моя личность? Что такое окружающая реальность? Был ли мир всегда или однажды появился? Что ждет меня после смерти: что-то или ничего? Откуда берутся понятия добра и зла, нормы и табу?

Меня не устраивали ответы религиозного или атеистического характера, потому что ни один из них не был должным образом обоснован. В них предлагалось поверить. Но я не хотел верить чужим бездоказательным утверждениям. Не хотел быть старорежимным верующим, не важно, религиозного или атеистического характера. Я хотел знать.

Правильный ход в шахматах вытекает из охвата всей доски. Невозможно понять, как правильно ходить, если видна часть доски. Понять, в чем смысл жизни, можно только из понимания, что есть мир. Без такого понимания не из чего делать вывод.

Поясню, что я имею в виду на конкретном примере. Возьмем религиозного человека. Он считает, что Бог создал мир, животных и людей. Человеку Бог велел по заповедям жить. Кто строит свою жизнь с ориентиром на божью волю, тому обещается рай. Кто живет с ориентиром на свою волю, и она противоречит божьей, тому гарантируется ад.

Из такого миропонимания вытекают понятия добра и зла. В статусе добра является выполнение заповедей Бога. Злом считается их нарушение. Что помогает попасть в рай, то добро. Что мешает, то зло. Например, если секс несет сиюминутную радость, но ведет в ад, – это зло. Если пост с молитвой тяжелы и неудобны, но ведут в рай, – это добро.

Из этих понятий растут все остальные: совесть, честность, справедливость, разумность и все-все остальное. Возникает шкала ценностей, нормы и табу, допустимое и нежелательное. Но главное, из представления о мире выводится смысл жизни – попасть в рай и избежать ада. Это дает ориентир, как строить свою жизнь – что можно, чего нельзя.

Я не касаюсь вопроса, насколько верно представление верующего о мире. Акцент только на том, что у него есть взгляд на весь мир – мировоззрение, из которого вытекают ответы на большие вопросы: что есть мир, кто есть он, что с ним будет после смерти и прочее. Из этого выводятся ключевые понятия добра и зла, ценности, нормы и табу.

Большинство называют мировоззрением видимую часть мира – свое мнение, набор вкусов и взглядов. Но воззрение на часть мира, не важно, насколько велика эта часть, некорректно называть воззрением на целый мир. Это не миро-воззрение, а части-воззрение (корявый, но точный термин). Мировоззрение – это взгляд на весь Мир. Охват не только нашей Вселенной со всей ее громадой времени и пространства, но также и всего, что существует. Всех возможных мыслимых и немыслимых параллельных миров, и любых вариантов бытия. И плюс причины появления всего существующего (если таковая обнаружится). И вот охват совокупности всего этого и является мировоззрением. Если меньше – это уже воззрение не на Целое, а на часть Целого.

Если нет охвата всей шахматной доски, невозможно мыслить правильный ход. При частичном охвате любой ход бессмысленный. В лучшем случае он будет направлен на сиюминутную выгоду. Например, пешку съесть, не видя, что в результате теряешь ферзя.

Если нет охвата целого мира, невозможно ответить на вопрос, в чем смысл жизни. Все проваливается в пустоту. Силы и время будут неизбежно распыляться на текучку. Ведущие такую жизнь люди неизбежно превращаются в пустых обывателей. Не важно, богатые это будут обыватели или бедные, президентами они станут или бездомными. Важно, что в любом случае они обречены вести бессмысленную жизнь.

Подобные мысли перенесли меня из цистерны в товарный вагон. Впервые в жизни я заглянул в щель и лично воочию увидел, что мир не кончается рамками вагона. За рамками начинается внешний мир. И он совсем не похож на мир внутри цистерны и вагона. Привычное пространство оказалось лишь малой

частью бесконечности.

Мне страстно захотелось видеть больше. Я оказался в пассажирском вагоне. Большие окна открывали огромный обзор. Стало видно, что мир куда-то мчится. Но куда именно – из пассажирского вагона было не видно. А без этого невозможно было вывести главную цель и смысл жизни. Это значило, что нужно было двигаться дальше – в локомотив.

Я начал пробовать и так, и эдак, но ни одна из моих попыток не увенчалась успехом. Достоверно убедившись в своей беспомощности, я укрепился во мнении, что одному мне такая задача не по силам. Катастрофически не хватает интеллектуальных ресурсов.

Решить поставленную задачу можно было только командой. Ситуация, как будто мы вошли в пещеру, и выход завалило большим камнем. В одиночку его никто не сдвинет. Нужны общие усилия. Поодиночке, как в песне «Наутилуса Помпилиуса», какую мелодию ни играй, всегда играешь отбой. Подъем можно играть только сообща.

Если бы я решил написать книгу про альпинизм с целью заработать на ее продаже, главной задачей было бы продать как можно больше экземпляров. Целевой аудиторией в этом случае были бы все интересующиеся альпинизмом и способные заплатить за книгу. Безногие и безрукие в том числе, потому что деньги не пахнут.

Но если моя цель собрать группу для восхождения на гору, моя прибыль измерялась бы не в деньгах, а в людях. И в этом случае безрукие и безногие не нужны ни в каком виде. Нужны только дееспособные в альпинизме люди. Я бы бесплатно раздавал книгу своей целевой аудитории. Цель определяет стратегию и характер действия.

Я пишу эту книгу с одной-единственной целью – найти людей со сходными мыслями и объединиться с ними в команду. Поэтому книга распространяется в сети бесплатно. В бумаге она издается по просьбам читателей, желающих иметь материальный вариант.

Я собираю критическую сумму сторонников, где все, продолжая песню «Скованные одной цепью/ Связанные одной целью», увлекут за собой все

человечество, весь мир. Вместе мы сдвинем камень и войдем из бессмысленного существования в новую жизнь.

* * *

Чтобы моим читателям проще было принять правильное решение, читать или не стоит, сделаю ряд заявлений. Первое: я не рекомендую ее верующим людям. Есть шанс, что книга поколеблет или даже разрушит ваш религиозный взгляд на мир и привычную систему ценностей. Как следствие, это нарушит ваше душевное спокойствие.

Обратите внимание, я не утверждаю, что это обязательно произойдет. Я лишь говорю, что есть шанс утратить привычный взгляд на мир и душевный покой. Хотите исключить вероятность подобных потрясений? Не знакомьтесь с этой информацией.

Второе: я не ставлю мысль в зависимость от источника. Отрицая религиозный взгляд на мир, изложенный в священных текстах, я не отрицаю глубину мысли многих фраз. Если в целом я считаю религию заблуждением, из этого никак не следует, что в высказываемых словах религиозных деятелей – пророков, философов и просто верующих людей, не может быть глубины. Напротив, очень даже может, так как они мыслят в глобальном масштабе. А вот у обывателей таких мыслей в принципе не может быть, потому что их мышление в границах обыденного и бытового масштаба.

Если негативный персонаж высказал сильную мысль, ее сила не исчезает из-за того, что имеет отрицательный первоисточник. Если позитивный персонаж высказал слабую мысль, она не усилится за счет того, что у нее положительный первоисточник.

Мысль нужно оценивать самостоятельно, без привязки к ее источнику. Если глупый, негативный и психически больной человек, бормоча бессвязные слова, вдруг случайно наговорит фразу, выражающую глубокую мысль, сила этой мысли никак не пострадает оттого, что родилась таким образом. Если мысль высказана кровожадным маньяком или больным идиотом – это не умаляет ее ценности. Мысль свободна от источника и носителя.

Это одна из причин, по которой я не подписываюсь. Я хочу, чтобы люди оценивали мысль не через призму «кем сказано», а в чистом виде. По этой же причине я цитирую религиозные фразы, категорически отрицая религиозный взгляд на мир.

Третье: не рекомендую книгу людям, жестко ориентированным на моральные установки, сексуальные нормы и табу, а также традиционалистам и патриотам во всем их многообразии. Как и в случае с религией, есть риск, что она серьезно поколеблет ваши взгляды, оставив без понятных ориентиров – в прострации. Истину своих убеждений опасно проверять на прочность. История свидетельствует: кто начинает задаваться вопросами относительно своих фундаментальных убеждений, тот рискует потерять их.

Я адресую свою книгу в первую очередь людям-новаторам, кто не только способен принять новое, но и готов на практике делать то, что в теории считают истиной. У кого есть потенциал переступить все границы всех норм и шаблонов. Для кого аргументы из серии «так принято», не являются ориентирами и руководством к действию. Таким можно сказать, что у каждого свой вкус в пище, музыке, сексе, одежде. Общечеловеческих ценностей нет и никогда не было. Понятия добра и зла относительны. Мир делится на своих и чужих. Справедливость – понятие литературное. Вселенная равнодушна.

Меня довольно часто спрашивают, на какой возраст ориентирована эта книга? Не знаю, потому что биологический возраст не имеет никакого отношения к масштабу, уму, воле и прочим составляющим человека.

Все люди делятся на две группы. Одни до 40–50 лет развиваются, потом решают, что все, отжили свое, пора о душе подумать. И тихо сползают вниз. От них в теории нельзя ждать стремления к чему-то новому. Они смотрят на свою жизнь как на процесс дожития.

Специальных примеров приводить не нужно – такие люди плотным кольцом окружают каждого из нас. Посмотрите на родителей или людей старшего возраста. Они ничего не ждут от жизни. Их ориентир – не новое, а сохранение имеющегося.

Другие до 40–50 лет ровно живут, и потом стартуют с накопленного опыта вверх как ракета. До этого они как будто случая ждали. Когда опыт и случай

совпадают, он уходят к звездам. Например, Игнатий Лойола, основатель ордена иезуитов, в 40 лет стал калекой без работы и образования. У него не было ничего, кроме ума, воли и накопленных знаний о жизни и людях. И он начал с нуля – сел в этом возрасте за школьную парту. Среди своих одноклассников нашел четырех идейных сторонников, из которых вырос орден иезуитов. Через десятилетие он стал одной из самых могущественных организаций планеты.

Невозможно знать, во что выльется моя инициатива. Все может быть, в том числе и то, что кажется абсолютно нереальным. Если смотреть объективно, мир состоит из того, чего по теории вероятностей не могло быть. Можете сами представить, какие шансы были встретиться у ваших родителей. А у ваших дедушек-бабушек? Если бы не произошла одна из миллиардов случайностей, цепь событий прервалась, и вас бы не было на свете. Но вы есть, что наглядно подтверждает: все может быть. И достижение поставленной цели тоже.

Первая часть

Вопросы

«Во всем мне хочется дойти до самой сути».

(Б. Пастернак)

Отсчет

Чтобы понять смысл жизни, сначала нужно понять, что есть сама жизнь? Чем живое отличается от мертвого? Кажется, легкий вопрос, но не все так просто. Ситуация как со временем – все мы знаем, что такое время, но сформулировать это понятие не можем.

В поисках ответа переберу всех кандидатов на отличительный признак живого от мертвого. Начну со способности чувствовать. Не проходит, потому что все измерительные приборы тоже чувствуют, но это не повод считать их живыми.

Может быть, отличительный признак живого – способность питаться? Но что такое питание? Поглощение энергии. Нагретый солнцем камень поглощает энергию, но это не делает его живым. Способность к питанию тоже не является отличительным признаком.

И способность размножаться не проходит. Вирус может размножаться, но максимум, его можно определить переходной формой между живой и мертвой материей. Он оживает при попадании в живую клетку. До этого вирус – мертвая материя. Типа флешки с информацией. Она никак себя не проявляет, пока не будет активирована. Записанная на флешке информация активируется, когда ее вставляют в USB-порт. Информация на вирусе активируется, когда он попадет в живой организм. Сам вирус не является живым.

Мышление тоже не признак жизни. Искусственный разум будет мыслить, но это не сделает его живым. Кроме того, живое – необязательно мыслящее. Нам известна только одна форма мыслящей жизни – человек. Остальные варианты жизни не мыслят.

Соответственно, потребность искать смысл жизни, задаваться большими вопросами, иметь цели выше сиюминутных – все это не походит на отличительный признак жизни. Эти качества отличают разумного человека от массы, но не мертвое от живого.

Последнее, что на ум приходит – способность размножаться, рождаться и расти. Но в нашем мире кристаллы размножаются и растут, создавая себе подобных. Еще больше таких примеров в квантовом мире. Там даже вакуум рождает частицы. Но это не жизнь.

Перебрав всех кандидатов, я пришел к выводу, что фундаментальное качество жизни – стремление к СВОЕМУ благу. Что не стремится к благу, то нельзя определить живым. Как из круга неустранима его круглость, так из жизни неустранимо ее стремление к благу.

У мертвого нет понятия блага и, следовательно, нет стремления к нему. Если камень положить на забор, по одну сторону которого растет мох, а по другую камнедробильная машина работает, он упадет туда, куда решит случай. Если допустить, что ничтожного усилия в одну молекулу ему хватило бы для падения на мох, где он пролежит еще миллион лет, а не в дробилку, камень не

продемонстрирует даже намека к спасительному усилию.

Жизнь в такой ситуации сделает все возможное, чтобы сохранить себя. Самая простая клетка, оказавшись между благоприятной и неблагоприятной средой, устремится в сторону благоприятной. Без такого стремления она попросту не могла бы существовать.

Жизнь без стремления к благу не прошла бы эволюционный отбор. Чтобы выжить, нужно стремиться выжить. Без этого невозможно шага сделать на лестнице эволюции. Если допустить, что вдруг возникла жизнь без стремления к благу, она исчезла бы на стадии зарождения. Живут только те, кто стремятся жить. В чем выражается стремление – вопрос второй. Первый – всякая жизнь стремится жить. Исключений нет.

Можно привести примеры, которые, кажется, опровергают утверждение, что всякая жизнь стремится к благу. Например, идущая на нерест рыба откладывает икру, после чего гибнет. Можно вспомнить насекомых, тем или иным образом отдающих свое тело на съедение будущему потомству или матери будущего потомства (у некоторых видов пауков самка после спаривания съедает самца). Но если взять за единицу вид, а не особь, в таком масштабе видно, что жизнь всегда ищет своего блага.

Если член сообщества жертвует собой для спасения целого, как, например, муравьи взрывают себя, обрызгивая кислотой обидчика, из этого не следует, что жизнь не стремится к благу. Из этого следует, что муравейник является цельным живым организмом. Муравей в нем клетка. Муравейник жертвует отдельными клетками точно так же, как попавший в капкан зверь иногда отгрызает себе ногу.

Жизнь без стремления к благу – оксюморон, что означает сочетание несочетаемого, типа круглый квадрат, черная белизна, живой труп, холодная жара и прочие немыслимые сущности. Как нет квадрата без углов, так нет жизни без стремления к благу.

Жизнь может считать за благо то, что им не является. Может ошибаться и получать обратное. Единственное, чего жизнь не может ни при каких условиях, – не искать своего блага. Негласную суть бизнеса выражает формула: «Не важно, о чем с вами говорят. В конечном счете с вами говорят о деньгах». Негласную

суть жизни выражает формула: «Не важно, на что вы ориентируетесь. В конечном итоге вы ориентируетесь на свое благо».

Как все объекты с ненулевой массой подчиняются всемирному закону тяготения, так всякая жизнь в любой ситуации подчинена стремлению к благу. Имея выбор выйти на улицу через дверь или через окно, вы всегда выбираете лучший вариант. Поступай вы иначе, не читали бы сейчас этот текст. Но если читаете, значит, до сих пор из всех возможных вариантов выбирали лучший – искали свое благо.

Благо – это не только стремление к положительному. Не важно, интеллектуальное это положительное или эмоциональное, в моменте или долгосрочной перспективе, типа, в рай попасть. Важно, что бегство от отрицательного тоже выражает стремление к благу.

В этом контексте даже самоубийца ищет блага. Когда жизнь становится невыносима, человек стремится выйти из зоны дискомфорта любым путем. Из двух плохих вариантов он выбирает тот, какой считает лучшим. И если он находит худшим вариантом жизнь, а лучшим – убийство себя, он убивает. Стремление к лучшему есть стремление к благу.

Я не смог придумать ситуации, где жизнь нарушала бы это правило. Разбирая каждый конкретный пример, где кажется, ну тут уж точно человек не к своему благу стремится, а за других радеет, стоило дотянуться до корней, и оказывалось, что движущий мотив – желание себе блага. Альтруизм, если дойти до самых корней – пустое понятие.

Из утверждения, что каждый человек только в силу того, что он живой, ориентирован на свое благо, следует, что все люди эгоисты. Да, именно это я чеканно говорю: все люди – эгоисты. Исключений нет. Не в бытовом смысле эгоисты, а в сутевом (от слова «суть»). Жизнь по природе эгоистична, как вода по своей природе мокрая (иначе это не вода).

В нашей культуре слово «эгоист» имеет ярко выраженный отрицательный оттенок. Утверждая, что все люди эгоисты, я прекрасно понимаю, как звучит это для уха человека, которому на протяжении всей жизни говорили, что эгоизм – это плохо. Что хорошо – это думать сначала о других, и только потом, по остаточному принципу о себе. Для него назвать всех эгоистами – равносильно

назвать всех негодяями. Естественно, это вызывает соответствующую реакцию. Люди твердо скажут, что нет, дорогой автор, ошибаешься, не все эгоисты. И вспомнят героев, отдавших свои жизни за других. Вспомнят множество хороших, честных людей, для которых понятие чести, долга и совести стояло выше личного блага. Вспомнят тонущий «Титаник», на котором очень многие мужчины вели себя так, что их поведение невозможно охарактеризовать как стремление к своему благу.

Негативная реакция таких людей на мои слова подтверждает тезис, что всякая жизнь стремится к благу. Бегство от дискомфорта – это тоже стремление к благу. Вам неприятно читать, что все люди в своем основании эгоисты, и вы бежите от этого.

Чтобы последний абзац категорично настроенный читатель не воспринял уловкой, приведу более сильное подтверждение, что все ориентированы на свое благо. Представьте, у вас смертельно заболел близкий вам человек – мать или ребенок, супруг или друг. Вы уходите с работы и ночи напролет сидите у изголовья больного, ухаживая за ним.

Кажется, где же тут стремление к своему благу? Тут, напротив, налицо сострадание, самопожертвование и прочие высокие качества. Но как бы кощунственно ни звучали мои слова, если смотреть в корень ситуации, мотивом в этом поведении является не благо больного, а ваше стремление к своему благу. Вы оказались между двумя плохими вариантами: а) изменить свой образ жизни и ухаживать за больным; б) бросить его на произвол судьбы. Каждый выберет лучший для себя вариант – тот, что несет меньший дискомфорт. Если бросите больную мать – получите неприемлемый дискомфорт. Если будете ухаживать за ней – получите приемлемый дискомфорт.

Какими словами описан выбор – не важно. Важно, что без политеса и реверансов в сторону традиционных установок выбор из двух болезненных вариантов менее болезненного – это и есть стремление к своему благу. Если бы у вас сама мысль бросить больную мать или ребенка на произвол судьбы не рождала непереносимого дискомфорта, если бы больший дискомфорт несла мысль сохранить свой образ жизни и не ухаживать за больным, вы нашли бы миллион оправданий для такого поступка.

Если чужое страдание не вызывает у человека своего дискомфорта, для него это не руководство к действию, а новость. На новости реагируют общими словами-

штампами соболезнования. К практическим действиям новости никого не побуждают.

Чтобы поставить точку в понимании явления, вспомним упомянутый «Титаник». На нем спаслось 75 % женщин и лишь 20 % мужчин. Причина очевидная – мужчины не ломанулись к спасению, сметая с пути женщин и детей. Напротив, они уступали места в шлюпках женщинам и детям. Многие миллионеры и аристократы предпочли смерть в этой ситуации. Согласно свидетельским показаниям, некоторые из них переоделись в смокинги и сели за столик в холле, попивая виски и наблюдая, как поднимается ледяная вода. Когда кто-то предложил им спастись, ответом было: «Мы одеты в соответствии с нашим положением и готовы погибнуть как джентльмены». Кажется, как можно про поведение смелых и благородных людей сказать, что оно продиктовано эгоистическими мотивами?

Но попробуем избавиться от эмоций. Не факт, что у всех получится, но попытка не пытка. Начнем с характеристики этих людей. Они были воспитаны как джентльмены. Что такое воспитание? Если коротко, это программа, дающая понятия «хорошо» и «плохо».

Чтобы мы одинаково понимали, что такое программа, вспомним древние культуры, где женщин считали чем-то типа домашней скотины. Корова нужна в хозяйстве, чтобы доить ее, куры чтобы яйца несли, а женщины детей рожать и мужчин обслуживать.

Если бы у тонущих на «Титанике» людей были сформированы такие взгляды, им бы в голову не пришла идея ценой своей жизни спасать женщин. Точно так же, как в головы благородных джентльменов не могла прийти идея спасать коров с курицами (допустим, они были на «Титанике») ценой своей жизни.

Если бы в головах пассажиров стояли противоположные установки, люди вели бы себя противоположным образом. Благородным поступком было бы собрать мечущихся по палубе женщин и запереть их в трюме. Если бы кто из мужчин пострадал в процессе этой операции, их назвали бы героями. В отношении их были бы сказаны возвышенные слова – такие же, какие сегодня говорят в адрес мужчин, спасших женщин ценой своей жизни.

Получается, благородство – не самостоятельное понятие. Оно всецело зависит от установленной в голову человека программы. Поведение, соответствующее программе, абсолютно синонимично понятию «благородное поведение». У людоедов благородным будет не дать убежать жертве. У европейцев благородно – дать убежать жертве.

Понятное дело, что каждый носитель программы не считает набор своих установок программой. Он уверен, что это естественная и сама собой разумеющаяся истина. И кто ее не разделяет, тот больной дикарь и сумасшедший маргинал. Но если мы поднимем планку выше, то увидим, что само намерение выявить, у кого программа правильная, а у кого нет – оно ущербно. Как было сказано выше, корни базовых понятий уходят в мировоззрение. Если одни считают, что мир устроен так, а другие иначе, у каждого будет своя правда.

Например, согласно монгольскому мировоззрению мир являлся их собственностью. Если они осаждали город, а население им сопротивлялось, монголы считали защитников чем-то вроде уголовных преступников, не отдающих хозяевам их собственность.

Если весь мир принадлежит тебе, потому что такова воля богов, у тебя в голове нет места для мысли, что ты отнимаешь чужую собственность. Возврат своей собственности – это добро. Защитники города оценивают действие монголов ровно наоборот, потому что у них другой взгляд на мир. Они считают свой город своей собственностью, и на его захват смотрят как на попытку ограбить. Добром является не отдавать своей собственности.

История учит, что бесперспективно выяснять, у кого правильный взгляд на мир, у кого ошибочный, у кого правильные понятия добра и зла, у кого ошибочные. Верующие разных конфессий тысячелетиями доказывают друг другу, что это они обладают святой истиной, а все другие пребывают во лжи. Несколько веков на эту же тему длится спор между атеистами и верующими, и тут тоже никуда не продвинулись.

Из этого следует интересный вывод. Чтобы раскрыть его во всей красе, вспомним популярное выражение культового фильма, где главный герой говорит: «сила в правде». Она кажется аксиомой, не нуждающейся в доказательстве. Оно красиво звучит и кажется, опирается на логику. Правда – синоним истины. Как между двумя точками есть только один самый короткий

путь, так и истина только одна. Двух истин не бывает.

Если реально истина одна, тогда все правильно – сила в правде. Но если единой истины нет, если истин много, тогда вся эта эмоционально-логическая конструкция модели рушится. И ответ на вопрос: «в чем сила, брат?», остается открытым.

Евклидова геометрия утверждает, что между двумя точками существует только один самый короткий путь. Это утверждение верно для пространства с нулевой кривизной. Но в природе нет такого пространства. Оно все искажено, минимум, гравитацией. Максимум, не бывает идеально ровных материальных объектов. Например, поверхность земного шара – это пространство с положительной кривизной. Между двумя его точками, например между Северным и Южным полюсами, бесконечно много кратчайших путей – меридианы.

Невозможно даже помыслить абсолютную истину, т. е. безотносительную, ни к чему не привязанную и верную для всех случаев. Каждая истина конкретна. У волка с зайцем разные представления о правде. Что русскому хорошо, то немцу смерть.

Истина всегда привязана к конкретному наблюдателю, формируется наблюдателем и зависит от наблюдателя. Более того, даже наблюдатель не всегда может уловить одну истину в одном наблюдаемом объекте. Например, при взгляде на куб Неккера невозможно однозначно сказать, какой он (найдите его в Сети, посмотрите и поймете, о чем речь).

Итак, критическая оценка понятия «правда» показала, что она несамостоятельна. Но если так, встает вопрос, что является источником правды? Я утверждаю, что ее источник – сила. У кого нет силы, у того не может быть правды.

Звучит вызывающе. Хочется возражать и утверждать. Не торопитесь… Скажите, как вы думаете, почему верующие считают волю Бога абсолютной истиной? (Кто не верит в Бога, чтобы услышать ответ, допустите, что есть некое абсолютное всемогущее существо.)

Любое слово Бога считается верующими абсолютной истиной только потому, что он всесильный. Даже если Бог велит отцу зарезать своего сына (принести в

жертву), тому в голову не приходит сомневаться в истинности этой информации. Не имей Бог такой силы, Авраам не воспринял бы его волю абсолютной истиной и не повел бы резать своего сына.

Верующие запрещают себе критически осмысливать эту сферу, и потому не видят, что фраза «Не в силе Бог, а в правде» уничижает величие Бога. Получается, есть некая правда, которая выше Бога. Бог силен не сам по себе, а в силу обладания этой правдой. Тут выскакивает множество вопросов на тему, кто генератор этой правды и что она есть такое. Но оставим эту тему теологам… Спустимся на землю.

Сейчас истиной считаются генерируемые западной цивилизацией ценности. Угадайте с трех раз почему? Потому что на данный момент она самая сильная на планете. Если бы конфликт европейской и южноамериканской цивилизаций в XVI веке привел к доминированию индейской цивилизации, в статус общечеловеческих ценностей сейчас были бы возведены индейские понятия добра и зла. Жертвоприношения были бы в статусе абсолютной истины (замечу, с обоснованием чего угодно у людей никогда нет проблем). Был бы заказ от сильного. Все остальное – дело техники.

Человеческая история не знает случая, чтобы сильный вместо своего мнения признал истиной мнение слабого. Хорошо это заметно в политике, где истиной всегда является мнение победителя. Не сразу и не вдруг, мышление имеет свою инерцию, но в итоге всегда. Это хорошо заметно в моде – когда большевики победили царя, кожанки комиссаров вошли в моду. При Сталине повальной была мода на военный крой. Человек в костюме военного как бы приобщался к силе, становился ее частью. Люди всегда предпочитают музыку, одежду, дизайн, образ мыслей и прочее, исходящие от сильного. Тотальное доминирование в мире западных форм, а не африканских, например, объясняется сильным Западом. Люди настолько естественно воспринимают западную одежду или музыку и прочее, что считают ее своей. Но как только появится новый сильный, мода мгновенно изменится.

Теперь вернемся к мысли, для обоснования которой сделали такой большой крюк – к утверждению, что человек всегда стремится к своему благу. Благородные аристократы на «Титанике» имели набор установок (назовем их джентльменским набором). Это в прямом смысле программа, записанная людям на жесткий диск – в кровь и плоть до мозга костей. Нарушение этих установок гарантировало жесточайший дискомфорт. Когда они оказались перед выбором

или нарушить установки и спасти свою жизнь, или соответствовать им ценой своей жизни, люди из двух зол выбрали вариант минимального дискомфорта.

Мотив поведения мужчин на тонущем судне – увеличенная копия ситуации, когда умирает близкий человек и бросить его на произвол судьбы – значит иметь пожизненный непереносимый дискомфорт. Человек идет на жертвы не ради больного, а ради себя.

Я хорошо понимаю, как больно читать эти строки людям, запрограммированным на положительную оценку такого выбора. Понимаю, как не хочется признавать этот факт. Но тут я могу только посочувствовать, потому что его невозможно оспорить. Для этого нужно будет опровергнуть утверждение, что всякая жизнь стремится к благу. В попытках сделать это вы можете апеллировать к своим установкам, но это уже будет вкусовщина.

При взгляде на ситуацию в соответствующем масштабе мотив самого благородного джентльмена ничем не отличается от мотива самого кровожадного людоеда. Оба имеют набор установок, почитаемых за святую истину – оба стремятся к своему благу.

Цицерон говорил: хорошо то, что честно. Честное рассмотрение вопроса привело нас к слому привычных истин. Трудно сделать над собой усилие, встать над эмоциями и признать, что всякая жизнь во всех ситуациях без исключения стремится к своему благу. Намного приятнее и проще считать набор своих установок истиной, а любые иные ложью.

Люди всеми силами не хотят соглашаться с тем, что человек, как и любое живое существо, – это эгоист. Такое признание создает мрачные внутренние ощущения, а они дискомфортны. Сам факт бегства от дискомфорта указывает на ориентированность людей на свое благо. Так что Цицерон неправ – не всегда честное люди могут назвать хорошим. Но это уже частности. Главное, что жизнь без стремления к своему благу невозможна.

Твердость

Избегая красноречия моралиста или садиста, я избегаю слов, способных хоть кого-то оскорбить. Я стараюсь опираться не на стереотипы, а отталкиваться от глубинных основ – от архетипов (греч. arhe – начало и typos – образ), предшественников самой мысли. Юнг в своей «аналитической психологии» называет архетипами изначальные структуры души, врожденные прообразы, образующие коллективное бессознательное.

Большинство берет за основу произвольно выбранное понравившееся утверждение, и из него выводит свои истины, которые и составляют узор жизни. Почему люди никогда не задаются вопросом, из чего выросло понравившееся им утверждение, которое они возвели в статус абсолютной истины? Я полагаю, они подсознательно не хотят знать родителей своей истины из подсознательного страха, что родители им не понравятся. И произведенная ими истина закачается. А человек не хочет, чтобы его истины качались. Всякая угроза тому, что устоялось и принято им как само собой разумеющееся, люди воспринимают как угрозу жизни. Потому не настроены осмысливать свои «азбучные истины». Люди настроены защищать свои единственные ориентиры. Утратить их – это как ослепнуть. Поэтому люди отрицательно реагируют на непривычную информацию.

Кто хочет понимать, а не принимать на веру, тот стремится докопаться до самой изначальной точки отсчета всех своих истин. Я вижу этой точкой стремление к благу. Это помогает понять истинные намерения людей, и самому не обманываться и не обманывать.

Чтобы мир стал лучше, нужно понимать природу человека такой, как она есть, а не как ее рисуют морализаторы. Они приписывают человеку качества, которых у него не может быть в силу порядка вещей. Люди стремятся соответствовать этим качествам, но так как против природы невозможно идти, им ничего не остается, кроме как лицемерить. Это тоже стремление к благу. Если лицемерие несет нам благо, мы кривим душой.

Чтобы поставить все точки над i в теме эгоизма, скажу, что наше «Я» проходит не по границам нашего туловища. Ваши близкие, те, чью радость и боль вы ощущаете как свою, – продолжение вас. По отношению к кому у вас нет таких чувств, те чужие. Дальше чужих идут враги – это те, чья радость приносит вам боль, а боль несет вам радость.

Одно из моих страстных желаний – жить среди людей, которым некомфортно, когда мне некомфортно. Которым приятно, когда мне приятно. И в отношении меня то же самое: чтобы мне было больно, когда им больно, и мне удовольствие, когда им приятно. В этой атмосфере не нужно лицемерить. Каждый бы стремился к своему благу и убегал от своего дискомфорта. И это был бы рай – все ищут свое удовольствие и бегут от дискомфорта.

Все, что любой из нас делает, в конечном счете, делает ради себя. Но не в вульгарном смысле, а в фундаментальном. Понимание базовой природы жизни позволяет оценивать не только людей, но и философские учения. Например, буддизм. Он утверждает, что причина страданий – желание. Избавление от желаний избавит от страданий.

Считается, что эти столпы буддистской истины сказал Будда. Называются они четыре благородных истины. Первая: есть страдания. Вторая: есть причина страданий. Третья: есть способ избежать страданий (не желать). Четвертая истина: следовать этому способу.

Кажется, все правильно, и возразить особо нечего. На уровне эмоций в этих четырех словах: Страдание, Причина, Способ, Следование, видится даже какой-то глубокий смысл. Действительно, без желаний нет разочарований от их неисполнения. Соответственно, нет страданий. Правда, неясно, как отсутствие желаний избавит человека, попавшего в руки маньяка, от страданий. Наверное, буддисты имеют на эту тему какой-то ответ, но мне его найти не удалось. Есть общие слова, но они не в счет.

Сконцентрируемся на центральном утверждении буддизма – жизнь обретет счастье, если избавиться от желаний. Но если жизнь есть стремление к благу, ничего не желающая жизнь в теории невозможна. Она попросту не смогла бы пройти эволюционный отбор.

Буддистская истина, что идеальная жизнь – это никуда не стремящаяся и ничего не желающая жизнь выглядит, как если сказать, что идеальный квадрат – это квадрат без углов. Но если квадрат начнет к этому стремиться (допустим, он это может), то перестанет быть квадратом. Он станет кругом. Если жизнь перестанет желать блага, она перестанет быть жизнью. Это будет что-то иное. Я не знаю, что именно, но это точно будет не жизнь. Жизнь без желаний невозможна в силу порядка вещей, как квадрат невозможен без углов.

И если принять утверждение, что идеальный квадрат – это круг, получается, что идеальный квадрат – это отсутствие квадрата. Аналогично и с жизнью: если идеальная – это отсутствие стремления к благу (желаний), то идеальная жизнь есть отсутствие жизни.

Если геометр заявит, что эталонный квадрат не имеет углов, к нему подорвется доверие. Если буддист заявляет эталоном жизнь без желаний, к нему тоже мало доверия. Не как к человеку – буддисты преимущественно честные и приятные люди, никого не стремящиеся обмануть. Мало доверия к их курьезному учению, если смотреть в корни.

Если жизнь по своей природе есть стремление к благу, нирвана, рай и прочие места вечного блаженства невозможны. Для обоснования этого утверждения напомню, что раем называется место, где живая сущность по имени душа пребывает в вечном блаженстве. У нее нет стремления к благу, ибо нельзя желать то, что имеешь. Не стремящаяся к благу жизнь – не жизнь, а что-то иное. Если же пребывающая в раю жизнь стремится к благу, это показатель, что она не в раю. Нельзя быть в блаженстве и желать блаженства. Понятия «рай» и «жизнь» несовместимы. «Райская жизнь» – аналог фразы «квадратный круг».

Если живое отличается от мертвого постоянным и неугасимым стремлением к благу, у него не может быть конечной цели. Если допустить такую цель, когда она будет достигнута, жизни больше не к чему стремиться. Но жизнь без стремления – не жизнь.

Следовательно, на линии жизни нет конечной станции, по прибытии куда объявляют: «Поезд дальше не идет, просьба освободить вагоны». Получается, всякая цель жизни – промежуточная. Жизнь всегда хочет нового, большего. Достигая одной цели, она некоторое время ею наслаждается. Но мир не стоит на месте. Со временем возникают новые условия, и в них – новое понятие блага. Что вчера казалось божественным, завтра становится банальным, а послезавтра нестерпимой скукой и даже страданием.

Это как с детской песочницей, еще вчера она была пределом мечтаний. Родители не могли затащить вас домой и если бы вас спросили, о чем вы мечтаете, то сказали бы, что хочу тут вечно сидеть и лепить куличи. Это действительно здорово…

Ни одному ребенку не придет в голову думать про другого, а не замышляет ли он против меня чего? Дети с чистой душой говорят друг другу: у меня есть ведерко, у тебя лопатка. Давай играть! И все, полное погружение в игру. И невозможна мысль, что у тебя друг по песочнице твою лопатку хочет отжать. Какое же это чистое счастливое состояние.

Но вот прошло время, и вас не заманить в песочницу лепить куличи. Нет, конечно, вам можно предложить много денег, и вы будете лепить куличи, типа, работа такая. Но того детского счастья уже не будет. Наоборот, будете думать, когда же это закончится…

Выйдя на новый уровень развития и попав в новые условия, жизнь тоже становится новой. Она забывает старые цели и устремляется к новым. По пути у нее копятся новые качества. Когда их скапливается критическая масса, количество переходит в качество. Жизнь совершает фазовый скачок. Далее снова доходит до критического предела, и опять количество переходит в качество – снова скачок на новый уровень, на котором всегда открываются новые цели. И пока жизнь остается жизнью, я не вижу этому конца.

Итак, определено фундаментальное качество жизни: она всегда стремится к благу. Переложу это качество на разумную жизнь – на человека. Одно из свойств разума – он видит границу своих возможностей. Иначе говоря, он осознает, что может ошибаться. Человек может принимать за благо то, что им не является. Вопрос: как отличить благо от того, что кажется им? Если ориентироваться на сиюминутные ощущения, можно идти в обратную сторону от своего блага, и при этом думать, что идешь верным направлением.

Если с помощью сиюминутных ощущений оценивать героин и химиотерапию, первый будет великим благом, а вторая кошмарным мучением. Но оценка перевернется ровно наоборот, если учитывать не сиюминутный эффект, а будущие последствия.

По прошествии времени героиновое «благо» предстанет волком в овечьей шкуре, а болезненная процедура благом. Так что сиюминутный эффект – не показатель добра и зла. Дать истинную оценку чему-либо можно при условии, если видны все плюсы и минусы. Это можно увидеть, если охватить не видимый кусок, а ВСЕ существующее.

Снова вспоминается аналогия с шахматной доской – верный ход можно сделать при условии обзора всей доски. Но как охватить всё? Когда понимаешь трудности предстоящей задачи, чувствуешь себя в положении пловца, заплывшего так далеко в море, что берега не видно. Сил доплыть до берега хватит, если плыть самым коротким путем.

Проблема в том, что пловец не знает, в какую сторону плыть. Сила тут может пойти как в плюс (если он плывет к берегу), так и в минус (если плывет вдоль берега или хуже того, в открытое море, а думает, что к берегу). Для пловца теперь высшая мечта – мысленно подняться над морем и увидеть, в каком направлении сосредоточить силы.

Чтобы отличить благо от того, что кажется им, нужно опираться на мировоззрение – воззрение на весь мир, а не на часть мира. Пример такого охвата – знание Бога. Если вы не религиозны, ради передачи смысла допустите, что он есть. Для него нет ничего неизвестного, непонятного, забытого и ускользнувшего. Он объял Целое и знает абсолютно все. В противном случае это не Бог.

Определившись с понятием Целого, обозначу способы познания. Все их можно поделить на откровенные (религиозные) и рациональные (научные). Суть откровенного знания – информация приходит к человеку из нечеловеческого источника. Что выступает в роли источника: превосходящая человека форма жизни (например, инопланетяне) или нематериальная сущность, о природе которой вообще ничего нельзя сказать – вторично. Первично, что для ее получения человеку не нужно предпринимать никаких усилий (разве что помолиться). Она просто дается. И человек, не исследуя и не стремясь ее понять, принимает информацию на веру. Для него показателем истины является не соответствие ее логике и фактам, а вера, что инфа из божественного источника, превышающего человека.

Религиозное знание – это вера информации, которую необязательно понимать. Главное – верить. Чтобы четче донести мысль, представьте Бога в виде бесконечной библиотеки, где есть абсолютно вся информация. Эта библиотека может не открываться совсем, открываться шире или у?же. Может чудесным образом вся вдруг вместиться в голову человека (откровение). А верующий – это обладатель библиотеки. Он не знает содержимого всех книг, но на правах владельца заявляет, что имеет абсолютное знание.

Поиск информации в этой библиотеке осуществляется молитвой. Религия уверяет, что истовая молитва может дать ответ на любой вопрос в виде откровения. Если молитва недостаточно усердна, верующий не находит нужной ему информации. Но он все равно остается владельцем ненайденных знаний – обладает абсолютным знанием.

Суть научного способа познания – информация приходит к человеку через чувства и обрабатывается разумом. Он анализирует ее, структурирует, обобщает и делает выводы. Совокупность собранной таким способом информации называется научным знанием. Второе название способа – эмпирический, т. е. полученной посредством опыта.

В аналогии с библиотекой научное знание – никому не принадлежащая библиотека. Никто не является обладателем хранящихся там знаний. Можно назваться владельцем только тех знаний, которые прочел. Что никем не прочитано, то не имеет владельца.

Дистанцируясь от личных предпочтений, негативно или положительно оценивающих тот или иной способ, я считаю самым лучшим вариантом разобрать оба варианта. На основе анализа будет видно, какой способ эффективнее для охвата Целого. Первым рассмотрю откровенный, или, как его еще называют, религиозный способ познания.

Острова

Во времена Второй мировой войны, в период обострения отношений между США и Японией, американским военно-воздушным силам понадобилась перевалочная база в Тихом океане. Оптимально на эту роль подходили меланезийские острова. Они были населены дикими племенами, не знавшими о существовании внешнего мира.

В один прекрасный день на головы островитян в прямом смысле с неба спустились «железные птицы». Из них вышли странно одетые люди с необычными предметами в руках. Они продемонстрировали силу оружия, после чего предложили дикарям дары.

Ошеломленные папуасы взяли дары у пришельцев и сразу же возвели обладателей чудовищной мощи и необычных даров в статус богов. Они выразили желание служить им и поклоняться. Армия США не возражала. Так дикари начали сотрудничать с «богами».

Американцы не обижали папуасов. Дикари выполняли примитивную физическую работу, получая взамен подарки: стеклянные бусы, сломанные предметы и мелочь типа пустых консервных банок. Аборигены по каждому случаю переживали религиозный экстаз.

На досуге американцы рассказывали папуасам о цели своего пребывания, про злые «желтые» силы, против которых воюют силы добра. Ради развлечения, неся «бремя белого человека», учили дикарей нехитрым технологиям и объясняли устройство мира. Рассказывали, что когда добро победит зло, они улетят. Но обязательно вернутся, чтобы проверить, как папуасы усвоили их уроки. Грозя пальцем как строгий учитель, они обещали наказать нерадивых учеников. Дикари благоговейно внимали божествам…

Война закончилась, и американцы покинули острова. Даров больше не стало. Туземцы что-то думали по этому поводу и, вероятно додумались, что боги покинули их, потому что они им плохо служили. Встал вопрос, как вернуть пришельцев с их дарами.

Начались богословские споры. В итоге меланезийские богословы пришли к единому мнению: если божества сошли с неба на железных птицах, логично взывать к небу. Дело осталось за разработкой технологии общения с высшими силами.

Аборигены строят средства коммуникации с небом – соломенные копии самолетов, образ взлетно-посадочной полосы и радиовышки. Мастерят из кокосов наушники, из соломы – рации и прочую атрибутику, необходимую для контакта с высшим миром.

Жители островов тщательно копируют действия солдат: ходят строем, держат на плече палки, символизирующие огнестрельное оружие, рисуют на теле ордена и погоны, пишут на груди «USA» и произносят заклинания – запомнившиеся английские слова.

Пышным цветом расцветает мифотворчество. Самые нелепые фантазии получают путевку в жизнь. В народе зреет ожидание второго пришествия американцев. В этой атмосфере формируется учение, центральной фигурой которого становится Джон Фрум – искаженное сленговое «Джон из Америки». Его рисуют в образе солдата Второй мировой войны. Верования папуасов эволюционируют: Джон в конце времен обещал спуститься с неба, чтобы судить оставленный народ. Одних он будет одаривать, других наказывать.

Возникает настоящая религия со всеми соответствующими атрибутами – мифами, обрядами и традициями. Наиболее близко общавшиеся с американцами папуасы берут на себя роль апостолов – проповедуют соотечественникам божественное знание.

Появляются профессионалы, занимающиеся духовными вопросами, ритуалами и поклонением Джону, – жрецы. Они организуют верующих в подобие церкви с целью вымолить у неба возвращение богов. Уверяют, что когда боги увидят, что их почитают, они снова вернутся с дарами. Так возникло явление, известное сегодня миру как культ карго.

Смыслом жизни островитян становится служение Джону, выраженное в обрядах, созданных по мотивам армейских будней США. Островное население охватывает истерия. В этой атмосфере начинают происходить чудеса. Некоторые из них вполне реальные. Например, из предметов поклонения выделяется ароматная жидкость. На религиозном языке это явление называют мироточением. Природа его до сих пор не имеет объяснения.

Но преобладают комичные чудеса. Например, жрецы обматывали женщин кусками кабеля и прочим мусором, оставленным армией. Дамы от соприкосновения со «святыми» проводами впадали в транс и говорили непонятные слова. Жрецы включали деревянное «радио», надевали на голову «наушники» из кокосов и принимали информацию свыше – «от Джона». На основании полученной информации они толковали слова женщин и возвещали народу святую истину: «Джон обещал верну-у-у-ться-я-я!».

Все это выглядело комично, но по факту усилия верующих принесли результат. После войны один путешественник случайно заплыл на острова и имел удовольствие первым наблюдать все это. Вернувшись, он поведал миру о карго-культе. К верующим с неба снова спустились «железные птицы» с «богами». А по океану приплыли огромные «железные рыбы», с которых тоже спустилась толпа

«богов» со своими порциями даров.

Снова на островитян пролился водопад благодати. Кстати сказать, он не иссякает по сей день. Сегодня к островам проложены туристические маршруты. Правда, соломенные самолеты теперь строят организаторы маршрутов, но это уже детали.

Карго-культ – уникальный случай, показывающий в полном масштабе естественное зарождение религии. Искренняя вера туземцев опирается на подлинное чудо. «Железные птицы» действительно спустились с неба. В них действительно прилетели могущественные пришельцы с чудесными дарами. В этом факте в Меланезии никто не мог усомниться, потому что остались предметы, подтверждающие эту реальность.

Социум начал подстраивать явление под себя. Если представить, что острова пробыли в изоляции не пару десятилетий, а пару тысячелетий, можно не сомневаться, что сегодня в мире на одну мировую религию было бы больше.

В менее ярких вариантах аналогичные культы имели место везде, где более развитая цивилизация соприкасалась с примитивным обществом. Вывод: разумная жизнь на этапе становления склонна обожествлять иную жизнь, превосходящую ее в развитии.

Множество

На свете множество религий, и все они заявляют, что обладают знанием Целого. Все утверждают, что есть некая высшая сила, которая дала им знания. Иными словами, все знания религии получили по одинаковой технологии и из одного источника. Но вот проблема: способ и источник у всех одинаковый – Бог. А сами знания у всех разные.

Религии говорят: если Целое одно, истинное знание о нем тоже одно. Двух истинных знаний не может быть. О части Целого может быть сколько угодно истинных знаний. Если один смотрит на карандаш сбоку, а второй с торца, первый видит отрезок, а второй кружочек. И оба они правы. Но что есть

карандаш в целом – тут только одна истина.

В теории невозможна религия, которая говорит: вот досюда я знаю, а дальше не знаю. Все утверждают, что знают ВСЁ – Целое. Знания меньшего масштаба у религии не может быть. Подчеркиваю, разговор не о качестве знания, а только о масштабе. Если знание имеет меньший масштаб – это не религия, а набор традиций и суеверий.

Одна наука может признать истину другой. Например, химия может признать истину истории. Потому что химия не претендует на охват всего, она претендует только на знание части. История тоже может признать истину химии. Признавая истинность друг друга, они не мешают друг другу. С религиями такое невозможно. Их абсолютный масштаб говорит, что никакая религия не может признать истиной другую религию. Потому что все они заявляют, что знают не часть Целого, а знают ВСЁ – Целое. Религия, признающая знания другой религии истиной, – это не религия, а политика и коммерция. Так что разговоры про сосуществование разных религий (экуменизм) имеют чисто политическую и/или коммерческую природу. Любая религия только в силу того, что она религия, никого не может признать истиной, кроме себя. Если же может – это не религия.

Если все религии заявляют, что знают Целое, и все говорят разное, в этой ситуации в лучшем случае одна религия обладает истинным знанием о Целом. Все остальные в той или иной мере заблуждаются, и следовательно, ложные.

Допустим, есть одна истинная религия. Но как ее отличить от ложных? На что ориентироваться при выборе? В науке с этим нет проблем. Ученые заявили критерием истины опыт, и через него отличают истинное знание от ложного. А посредством чего отличить предполагаемую единственную истинную религию от множества ложных?

Мусульмане, индуисты, христиане, синтоисты, иудеи и прочие говорят в один голос: истину определить очень просто. Достаточно, помолившись, почитать священные тексты (каждый укажет свои), и сразу станет ясно, что это писал не человек, а открылось свыше.

Действительно, в таких текстах есть очень сильные и поразительно глубокие мысли. Допустим, эта информация пришла из высших источников. Но как же мне узнать, какой из множества текстов истинный и реально дан свыше, а какой

составлен людьми и выдается за пришедший свыше? Религий же много, и все говорят разное. На что мне опираться, чтобы поверить, что истина у вас, а не у вашего оппонента, с которым вы ругаетесь?

Раввины, муллы, батюшки, волхвы и представители культа карго уверяют – не надо слепо верить. Надо лично пробовать. Истина подобна ни на что не похожему вкусу. Приди и вкуси – говорят священники. Имеющий уши да услышит. Мы ничего не скрываем, вся информация открыта для людей, обладающих духовным зрением… Получи духовный опыт и убедись, что именно мы обладаем истиной, а наши конкуренты заблуждаются.

На первый взгляд смотрится красиво и звучит разумно. Но при попытке реализовать эту красоту возникает тупик. Для полноценного погружения в одну религию потребуется целая жизнь. Физически невозможно во все веры погрузиться, чтобы выбрать истинную.

Кроме того, у людей разные вкусы и способности чувствовать. Одному нравится, когда тихо и спокойно, другому – когда ярко и кричаще. Попробовав на вкус одинаковую информацию, разные люди составят разное мнение. Вместо истины вкусовщина выйдет.

Может быть, истинную религию можно выявить, если ориентироваться на явления, не имеющие научного объяснения, – проще говоря, на чудеса? Наверное, у религии, обладающей истинным знанием, есть настоящий контакт с высшим миром и, значит, есть подтверждающие его чудеса. А у кого нет такого контакта, нет чудес. Следовательно, они не обладают настоящим знанием, а или добросовестно заблуждаются, или обманщики.

Звучит убедительно, но вот проблема: языческие идолы мироточат и кровоточат не хуже христианских икон. Буддистские святые сохраняются нетленными точно так же, как и христианские – благоухают и выделяют маслянистую ароматную жидкость.

Известны случаи, когда тела замученных инквизицией «еретиков» оставались нетленными и источали аромат. Церковь по понятным причинам никогда этих случаев не афишировала. Если факт невозможно было скрыть, его объясняли происками дьявола. Он вводит добрых христиан в заблуждение с целью искусить и отвернуть от матери-Церкви.

Если бы чудеса случались только в одной религии, она бы давно вобрала в себя все человечество. Но они есть во всех религиях. Речь не о жуликах, которых множество, а о реальных фактах, не имеющих на данный момент научного объяснения. Никто не знает, почему идол, икона или иной предмет, на котором сконцентрировано человеческое внимание (которому люди истово молятся), может вдруг начать выделять, например, маслянистую ароматную жидкость. А может и не выделять. Никакой закономерности найти не удается. Никто не понимает природы происходящего, но факты есть факты.

Вторая категория чудес: когда люди свято верят в целительную силу совершаемого над ними обряда, физической процедуры или святость какого-то предмета. Тогда может произойти чудо не с предметом, а с самими людьми. Например, необъяснимое исцеление.

Этот эффект называется плацебо. Ему тоже нет ясных объяснений (общие слова не в счет). Пустая таблетка или пассы руками могут реально вылечить человека. Человеку могут не делать операции, а только сказать, что сделали. Для правдоподобности провести ее имитацию – сделать надрез в области предполагаемого оперирования, и зашить назад. Человек увидит, что ему «сделали» операцию, и его вера в то, что он прооперирован, может дать такой же эффект, какой должна была дать реальная операция.

Вера в эффективность чего-либо может как лечить, так и калечить, и даже убивать. Это так называемое отрицательное плацебо – нацебо. Задокументированы случаи, когда шаманы диких племен проводили над здоровыми людьми обряд смерти, после которого те во сне умирали. Настолько люди верили во всемогущество заклинаний шамана.

С человеком случается тот эффект, в который он верит. Если верит, что это улучшит его здоровье, – оно улучшается. Если верит в обратное – здоровье ухудшается. Пример из нашей жизни: самоубийце подменили глюкозой снотворное. Сделали это в надежде, что человек от глюкозы заснет естественным сном и, проснувшись, изменит намерения. Ему в этом помогут, рассказав, что рано еще ему помирать и так далее.

Проблема этой технологии оказалась в том, что человек выпивал пригоршню «снотворного», по объему две ложки сахара, и реально умирал. Потому что искренне верил, что выпил лошадиную дозу снотворного, гарантирующую смерть.

Никакой закономерности в этих процессах нет. Есть опытные данные, указывающие на то, что качественный спектакль дает больше выздоровлений. Если больным дают лекарство, которое в их глазах выглядит новейшим препаратом, говорят, что это последнее слово науки, что это очень дорогой препарат, сочиняют специальный обряд с эффектными телодвижениями, сопровождающими его прием, эффект будет гарантированно выше, чем если препарат дадут просто так, без красивой упаковки и театрального сопровождения.

На аналогичные результаты указывает и религиозная практика: чем обряд пышнее, а имидж у святого предмета выше, тем вероятность плацебо выше. Практически все врачи-божества древности «лечили» своих пациентов по технологии самовнушения.

Если человек верил в спасительную силу действия божества или одного его присутствия рядом, в нем что-то срабатывало, и он исцелялся. «И говорит им Иисус: веруете ли, что Я могу это сделать? Они говорят Ему: ей, Господи! Тогда Он коснулся глаз их и сказал: по вере вашей да будет вам. И открылись глаза их» (Мф. 9, 28–30).

Понятно, что вера может горы двигать, но что такое вера – совершенно непонятно. Как ее измерить и зафиксировать? Кажется, вот два человека, оба больны и оба верят в чудодейственное средство (не важно, что это, глюкоза в виде пилюли или икона). Одному помогает, другому нет. У одних включаются какие-то внутренние механизмы, рождающие то, что мы называем истовой верой, следствием чего является эффект плацебо. У других эти механизмы не включаются – истовой веры не возникает, и нет эффекта плацебо.

Наука объясняет исцеления общими словами: что это самовнушение, активация внутренних сил и прочее. Только это никакое не объяснение, а пустые слова. С таким же успехом можно сказать, что исцеление случилось за счет вмешательства небесных сил.

Если про терапевтический эффект плацебо наука говорит хотя бы общие слова, то про хирургический эффект она разводит руками. Ни одна живая душа на свете не знает что сказать. Это настоящее чудо – организм сам себе делает хирургическую операцию. Только полезной информации в этих словах нет. Ну чудо и чудо… Дальше что?

На тему, что такое чудо, есть любопытное высказывание св. Августина: «Чудеса не противоречат законам природы. Они противоречат лишь нашим представлениям о законах природы». Лучше не скажешь. Чудеса – это всего лишь недостаток знаний.

Итак, с помощью технологии «приди и вкуси» невозможно отличить истину от лжи. Ориентир на чудеса тоже не поможет. На что человеку ориентироваться? На красноречие проповедника? Или на древность религии? А может, на число сторонников?

Поставьте мысленный эксперимент: в одном зале собрались представители сотни религий. Перед ними на сцену поочередно выводят одну религию для оценки. Каждая будет оценена 99-ю голосами как ложная. И лишь один будет за то, что она истинная.

Ищущий человек попадает в положение путника, выбирающего верное направление. Перед ним много табличек. На каждой написано: «Путь к истине». Все указывают в разные стороны. Рядом с каждой табличкой стоят люди, посвятившие жизнь той религии, за которую агитируют. Все религии окутаны авторитетом древности, благочестивыми сказаниями, за всеми стоит кровь праведников, чудеса и аргументация. Аргументы у всех примерно одинаковы. Все говорят про опыт тысячелетий (исключение – культ карго), про авторитет святых и кровь мучеников. С каким рвением каждый восхваляет свою веру, с таким же рвением ругает чужую. И как тут быть человеку? Он может слепо верить в истину одного религиозного учения и не менее слепо верить в ложность другого.

Но думающий человек не хочет слепой веры. Он хочет знать. Оказавшись перед таким богатым ассортиментом противоречащих друг другу учений, претендующих на истину, человек в такой ситуации теряется. У него попросту голова закружится…

Простецы

Есть такая категория людей – простецы. Без всяких оснований, по привычке, они ярые приверженцы своей веры. Показателем истины они считают свое сердце. Что им кажется истиной, то они и считают истиной. Почему? Ну, как почему… Потому что сердце чует истину. Эта логика для них так очевидна, что им удивительно, о чем тут спорить…

Прочитав предыдущие главы и мало что поняв (это ударное качество простеца), он подумает: вот вы здесь слова разные говорите, думать призываете, хотя думать не о чем, ибо и так все понятно. Нужно просто прийти в храм (костел, мечеть, синагогу или к идолу), выполнить обряды, вознести молитву, затеплить свечу (или ее аналог в других религиях), и на душе так светло станет, так хорошо, что и слов никаких не надо. По сердцу благодать прямо так и разольется… И любому человеку все станет ясно без всяких дум.

Посоветует мне этот хороший и честный, но наивный человек не мудрствовать и не полагаться на ум, ибо «…буква убивает, дух животворит» (2 Кор. 3.6). Скажет, что нужно на сердце полагаться, ибо оно знает истину. И в качестве окончательного аргумента приведет слова французского летчика: «Прощай, – сказал Лис. – Вот мой секрет, он очень прост: зорко одно лишь сердце». (Экзюпери, «Маленький принц»).

Впечатляюще. Кажется, даже спорить не о чем. Но… Дай тебе Бог всего хорошего, добрый человек, на слух твои слова звучат приятно и правильно, но перенесем их на практику. Во-первых, признаем, что сердце человека склонно видеть истину в том, что привычно. Если он вырос в атмосфере, где соломенные самолеты были обожествлены, а потом узнал историю происхождения культа карго, сердце ему будет говорить, что все эти разговоры про ВВС США хоть и правильные, но что-то тут не то. Будет подсказывать ему, что в соломенных самолетах есть нечто сакральное и божественное…

Во-вторых, все религии утверждают, что доступ к сердцу имеют как духи истины, так и духи лжи: «…сам сатана принимает вид Ангела света» (2 Кор. 11, 14). Поэтому все религии учат, что «…не всякому духу верьте, но испытывайте духов, от Бога ли они…» (1 Ин. 4, 1). Как узнать, какой дух имеет доступ к вашему сердцу? Особенно если оно чувствует одно, а сердце иноверца другое, и оба вы готовы умереть за свою веру. Если на этот вопрос отвечать с помощью сердца – тупик и замкнутый круг образуется

Если вам завтра явится некая сущность и представится Богом, как вы определите, правду она говорит или выдает себя за того, кем не является? Наверное, через сердце. Но как же быть с утверждением, что к сердцу имеют доступ злые и нечистые духи?

На этот вопрос нереально ответить. Остается прятаться за присказками типа: «Бог не попустит» или «На все воля божья». Для простеца эта аргументация достаточна. Если же верующий не относится к блаженной группе простецов, ему ничего не остается, кроме как сказать, что грех такие вопросы задавать. А почему грех? Если вы христианин, разве Христос не говорил, что блаженны жаждущие правды… Жаждущие – значит вопрошающие. Кому все ясно, тому вопрошать нечего – он не жаждущий и не блажен.

Многие верующие признают: истину через духовный опыт, чудеса и сердце не определить. Распространено мнение, что от человека в этих вопросах ничего не зависит. Все решают случай и вкус. Такие призывают считать истиной то, что принято в их культуре. Ориентируются на пословицу: где родился, там и пригодился. Или можно так сказать: какую программу в меня установили, такую я и выполняю. Загрузили бы другую, следовал бы с тем же усердием иной истине. Но так как установили эту – следую этой.

Получается, кто родился в России, для того истина в православии. Кто родился в Иране, для того истина – ислам. Кто появился на свет в племени, молящемся древесной личинке, для того истина – личинка. Ну, а кому совсем не повезло, и он родился на меланезийских островах, для того истина в молитвах соломенным самолетам.

Если бы все они родились в другом месте, считали бы за истину то, что сейчас считают ложью. А что сегодня считают божественной истиной, считали бы сатанинской ложью. «Я объездил весь мир, мальчик. И где бы я ни был, люди говорят об истинных богах. Все думают, что их бог истинный» (к/ф «Игра престолов»).

Такая технология определения истины сродни подкидыванию монетки. Бросающий как бы загадывает про себя: выпадет орел – буду считать истиной ислам. Если решка – индуизм. А если на ребро встанет – значит, отныне истина для меня в шаманизме.

Бесполезно задавать вопрос, откуда он взял, что принцип «где родился, там и пригодился» истина? В какой религии сказано подобное? Простец на то и простец, что он не собирается думать на такие темы. Что ему кажется истиной, то для него и есть истина.

Простецы – ядро любого верующего сообщества. Они искренне верят во все, во что религии предписывают верить. Никаких фактов знать не хотят. Анализировать догмы веры для простеца равносильно намерению богохульствовать. Потому что, если ты не намерен богохульствовать, зачем тебе анализировать веру? Верить нужно, а не исследовать…

Однажды митрополит Филарет Московский беседовал с английским епископом. И тот его спросил, верит ли он, что кит мог проглотить целого человека – Иону. Митрополит ответил, если бы в Библии было написано, что Иона проглотил кита, он и в это бы поверил. Эта история преподносится как образец настоящей веры. Но по факту это образец слепой веры – веры простецов, отрицающих знание.

Таким простецом был Тертуллиан, живший во II веке, возведенный Церковью в статус христианского мыслителя. Он считал критерием истины Писание, авторитет Церкви и свидетельства души. Он заявлял: «Мы не нуждаемся в любознательности после Христа, не имеем нужды в знании после Евангелия… Пусть любопытство уступит вере, пусть слава уступит спасению… Не знать ничего против веры – значит знать все».

Он вопрошал: что общего у Афин и Иерусалима или у Академии и Церкви? Наше учение опирается на Соломона, который учил, что Бога следует искать в простоте сердца. Он призывал отринуть здравый смысл и на доводы, показывающие абсурдность его религиозных утверждений, говорил: «Верую, ибо абсурдно».

Этот тезис веками был мощным бастионом христианской веры. Многим теологам он позволял считать себя непобежденными в полемике. Когда им доказывали, что все их доводы абсурдны, противоречивы и несостоятельны, и возразить им было нечего, лежа на лопатках, они доставали из кармана волшебное: «Верую, ибо абсурдно», и таким образом уходили непобежденными. Нет шанса победить человека с таким тузом в рукаве.

До Тертуллиана абсурд был показателем ложности. Тертуллиан превратил абсурд в показатель истины. Послушайте, как он доказывает истину Евангелия. Он говорит, что человек в здравом уме и твердой памяти не мог сочинить то, что написано в этой святой книге, ибо изложенная там информация постыдна, безумна и невозможна.

«Сын Божий пригвожден ко кресту; я не стыжусь этого, потому что этого должно стыдиться. Сын Божий умер; это вполне вероятно, потому что это безумно. Он погребен и воскрес; это достоверно, потому что это невозможно».

Если информация постыдна и безумна, по Тертуллиану, это признак, что источником ее является не человек. Если это так, нам всем пора обратить внимание на лечебные заведения, где пациенты излагают безумную постыдную и невозможную информацию.

Еще один простец того же ряда, что и Тертуллиан, – датский философ Кьеркегор. Он призывал от древа познания вернуться к древу жизни, намекая на историю Адама и Евы, изгнанных из рая за то, что получили знания и начали думать. При конфликте веры и разума он учил делать выбор в пользу веры – усилием воли совершать «прыжок веры».

Но философы-простецы – исключение. Обычные простецы не думают, ибо для души не полезно (это их главная присказка). Нормальные простецы просто верят во все, во что в их окружении принято верить. Ну что же… ну пусть… В целом они хорошие люди.

Интересно, как бы тезис «верую, ибо абсурдно» развернулся у простецов культа карго. Например, потомок первых очевидцев чудесного сошествия американцев с неба стал цивилизованным человеком, переехал в США и теперь знает, что его предки видели не чудо, а самолеты и солдат. Но если он поклонник Тертуллиана и Кьеркегора, следуя их наставлениям, должен совершить прыжок веры и верить, что армия США – это не армия, а божества. И продолжать поклоняться соломенным самолетам. Ибо абсурдно.

До XIX века такие технологии установления истины, если судить по фактам, имели много последователей. С XX века эта замечательная технология оказывается не у дел. Новый человек не хочет слепо верить, считать абсурд истиной и совершать прыжки веры. Он хочет понимать. Его не устраивают

аргументы, что так надо, или потому что абсурдно.

Современные люди не могут принимать на веру утверждения религий. Они требуют доказательств и аргументов. Но так как ни одна религия не может их дать, современники не могут быть по-настоящему религиозными. Для религий наше время уж слишком светлое. «Религии подобны светлячкам: чтобы светить, им нужна темнота» (Шопенгауэр).

Человечество стало взрослым и больше не может иметь детской веры, позволяющей верить в Деда Мороза. Вера в славного старика с мешком подарков осталась в прошлом, как детские игрушки. Если сегодня на Красной площади приземлятся инопланетяне, человек признает их интеллектуальное превосходство. Но никогда не признает богами.

Вера ушла из нашей жизни. Нет больше костров инквизиции и иной средневековой дикости. Но люди не стали лучше. Костры исчезли не потому, что люди стали добрее или умнее. Они остались теми же людьми. Только теперь не верят в нечистую силу.

«Мы не убиваем сегодня ведьм, потому что не верим в их существование. Если бы мы верили, если бы действительно думали, что вокруг нас существуют люди, продавшие душу дьяволу и получившие взамен сверхъестественную силу, которую используют для убийства соседей или сведения их с ума, или вызывания плохой погоды, мы все бы согласились, что если кто и заслуживает смертной казни, так это нечестивые предатели.

То обстоятельство, что мы не верим в ведьм, возможно, свидетельствует о большом прогрессе в области человеческого знания. Но прекращение судов над ведьмами нельзя рассматривать как прогресс в области морали. Вы не называли бы человека, который перестал расставлять мышеловки, гуманным, если бы знали: он просто убедился, что в его доме нет мышей» (Стейплз Льюис, «Христианство»).

Сегодня функции колдовства выполняет патриотизм. Раньше все беды объяснялись действиями колдунов и ведьм, жаждавших извести род человеческий. Теперь все неудачи валят на жидомасонов, тайные мировые правительства и заговоры. Такова природа социума – ему необходим громоотвод. Что будет играть его роль – все равно.

Кумиры

Если некий человек покажет людям нечто, от чего можно испытать суеверный ужас, например, будет ходить по воде или преодолеет силу гравитации, все сказанное таким чудотворцем будет считаться истиной, какую бы околесицу он ни нес.

Он может говорить о круглом квадрате, и в головах фанатов не будет места вопросу, а как такое возможно? Можно ли подобную фигуру называть квадратом? Для этих вопросов в головах фанатиков не будет места. Увиденное чудо отключит у них критический разум и здравый смысл. У людей включится преклонение перед чудотворцем и блок на разум.

Если спросить людей, из чего следует, что слова человека, умеющего ходить по воде, или животного, вдруг заговорившего человеческим голосом (допустим такое), есть истина, они удивятся: как из чего? Это же чудо. Согласен, чудо – явление, природа которого за рамками нашего развития. Как искры от янтаря при трении о шкуру тоже были чудом. Но из чего следует, что трущий янтарем о шкуру человек является источником истины?

От наблюдения чуда люди впадают в умственное оцепенение, им уже не до анализа. Они в положении жителей меланезийских островов, увидевших, как с небес опускаются самолеты. У папуасов мысли не могло возникнуть анализировать наблюдаемое (допустим, они это могли). Для них любое слово американских солдат было святой истиной.

Информацию с таким статусом не анализируют, а с благоговением внимают. Не беда, что ничего не понятно. Святые истины совсем не обязательно понимать. Их даже вредно понимать… От понимания они теряют святость и становятся просто событием. А вот когда ничего не понимаешь, но при этом свято веришь, – вот это высший пилотаж.

В роли источника святой истины может быть человек, не совершивший никаких чудес, но показавший иную реальность. Шаманы Южной Америки давали человеку варево из кактуса, содержащее мескалин (аналог ЛСД), или из лианы, содержащее аяуаску (аналог ДМТ). Человек попадал в фантастический мир,

ощущая его так же реалистично, как наш мир. После такого путешествия шаман для него становился источником истины.

Будда научил людей технологии вхождения в особое состояние – медитацию. Ближайший аналог этого состояния – осознанное сновидение. Освоить эту технику может любой желающий, если готов приложить такое же упорство, как, например, для изучения иностранного языка. Когда люди погружались в него, они испытывали чувство, сравнимое со смятением папуаса, надевшего шлем виртуальной реальности. Увиденное так потрясало их, что с этого момента они считали Будду источником абсолютной святой истины. Отныне он мог говорить что угодно, не заботясь о соответствии здравому смыслу. Ученики все на веру принимали. Все непонятное относили к собственному скудоумию.

Ради справедливости надо отметить, Будда никогда не заявлял свои слова истиной и не призывал верить себе. Он предостерегал от всякой слепой веры: «Не верь в догадки, то есть, предположив что-нибудь наудачу в качестве отправной точки, не делай затем выводы из нее – не вычисляй свои два и три и четыре прежде, чем ты установил свое число один. Не верь только на основании авторитета твоих учителей, не верь и не применяй на практике лишь потому, что они верят и применяют на практике. Я (Будда) говорю вам, вы сами должны познать. Одна только вера не принесет пользы никому, но причинит горе».

Будда не позиционировал себя божеством или пророком. Он не предложил никакого мировоззрения. Он ничем не отличался от многих других философов, рассуждавших о бытии человека и думавших, как его облегчить. Но он дал технологию медитации – дал возможность увидеть иную реальность. Это единственное, что отличает его от светских философов. Поэтому люди, несмотря на все его предупреждения не верить ему, а самим все исследовать, и на его заявления, что он не божество, сотворили из него себе кумира.

Наиболее известный пример из современности, когда человек был возведен в статус источника истины на том основании, что учил людей входить в иную реальность, – Ошо, популярная личность конца XX века. У него не было никакой концепции, никаких ответов на большие вопросы: «У меня нет системы. Системы могут быть только мертвыми. Я – бессистемный, анархический поток, я даже не личность, а просто некий процесс. Я не знаю, что я говорил вам вчера». Его учением было его настроение. Зато в нем была гипнотическая сила. Он умел делать вещи, не имеющие рационального объяснения. На этом основании его возвели в статус носителя святой истины и зачарованно слушали. Что бы он ни

говорил, все считалось истиной. Никто не помышлял критически осмыслить сказанное. Поэтому Ошо говорил, что рот выговорит, противореча самому себе.

Когда ему указывали, что вчера он говорил противоположное тому, что говорит сегодня, он отвечал: «Мои друзья удивляются: вчера ты говорил одно, а сегодня – другое. Чего же нам слушаться? Я могу понять их недоумение. Они ухватились только за слова. Разговоры не представляют для меня никакой ценности, только пустоты между произносимыми мной словами – вот что ценно. Вчера я распахнул двери к моей пустоте при помощи одних слов, сегодня я открываю их, прибегая к другим словам».

И такая аргументация проходила… Это характеризует интеллектуальный уровень массы – детей во взрослом туловище. И как для маленьких детей нет того, во что они не могут не поверить, и у них до определенного возраста нет места для анализа ситуации, для сомнений, так и у взрослых детей нет места для анализа. И как следствие, нет того, во что они не могли бы поверить. Как дети не могут думать, откуда у них под елкой берутся подарки, они и так твердо знают, что их принес Дед Мороз, так и бородатые дети не могут думать, например, что есть то, что они называют реальностью, или что есть личность. Им все настолько пронзительно ясно, что они могут только удивляться, что тут непонятного. И как подобные вопросы может задавать взрослый человек… Наверное, дурью мается…

Можно оценить информацию, не понимая ее. Например, чтобы оценить качество лекции, смотрите на самую низшую (глупую) часть аудитории, и по ней видите уровень информации. Например, выступает Эйнштейн. Вы не знаете, кто это такой, и ничего не понимаете из того, что он говорит. Но вы смотрите нижний слой аудитории (скорее всего, это будут продвинутые студенты), и качество информации сразу станет понятно.

Попробуйте по этой технологии определить уровень религиозной информации. Или качество контента от политиков. Нет нужды все слушать и во все вникать. Достаточно оценить нижнюю часть потребителей этой информации, чтобы понять ее качество.

Верующие впадают в интеллектуальное оцепенение от созерцания чудес. Простецы в такое же оцепенение впадают от рассказов про чудеса. В романе «Война и мир» Л. Толстой описывает свойство народа попадать во власть самых диких небылиц. Он пишет, что между крестьянами всегда ходили какие-нибудь

неясные толки: то о перечислении всех в казаки, то о новой вере, то про нового царя, при котором все будет так просто, что ничего не будет. Все это было замешано на неясных представлениях об Антихристе, конце света и чистой воле. Таинственные струи народной жизни, истоки которых неизвестны, вдруг всех подчиняли слуху о переселении на какие-то теплые реки. Сотни крестьян вдруг распродавали свое имущество и целыми семействами, с женами и детьми, устремлялись в эти заветные края. Ни один из них понятия не имел, что это за теплые реки такие. Для них это был притягательный образ, вмещавший чаяния о царстве добра и справедливости. По дороге к неведомой цели люди умирали от холода и голода. Выжившие возвращались. Все вдруг затихало само по себе, как и начиналось, без очевидной причины. И потом опять так же странно, неожиданно и вместе с тем просто, естественно и сильно проявлялось.

* * *

Религия из путеводной звезды превратилась в культурную традицию. Если даже там есть крупицы истины, они настолько захламлены желанием политиков и священников извлечь из религии практическую пользу, используя ее как политический, экономический и прочий инструмент, что за этим хламом этих крупиц истины не разглядеть.

Франклин говорил: «Нельзя заставить пустой мешок держаться прямо». Если даже я буду максимально лоялен к религии, буду исходить из того, что есть истинная религия, я попадаю в положение больного, перед которым куча таблеток. Они неотличимы по вкусу, форме, цвету и запаху. В этой куче одна – чудодейственное лекарство, а остальные – яд. Больному предлагается выбрать из этой горы хорошую таблетку, которая его излечит. Но если он ошибется в выборе, его ждет смерть.

Если все таблетки абсолютно одинаковые, если с помощью имеющихся у меня пяти чувств я не могу уловить отличительного свойства спасительной таблетки, при всем желании я не могу совершить правильный выбор. Мне не на что опираться.

Аналогично и с выбором истинной религии – я не понимаю, как ее выбрать из кучи ложных. Руководствоваться здравым смыслом тут невозможно. Совершать выбор по технологии «сердцем чуять» – такой вариант мне не кажется хорошим решением.

«Люди относят себя к христианам или мусульманам скорей из нужды принадлежать к определенной группе, обеспечивающей эмоциональную поддержку в непростом мире, чем в результате индивидуального поиска истины и смысла» (Николас Мосли).

Про это же говорит Ницше в своей работе «По ту сторону добра и зла»: «Все они дружно притворяются людьми, якобы дошедшими до своих мнений». Но попробуйте копнуть чуть глубже, и вы сразу провалитесь в пустоту собеседника. И он еще обидится на вас из-за того, что вы обнажили его пустоту, с которой он так прекрасно ужился.

Высказанных соображений достаточно, чтобы объявить религиозный тип познания не подходящим для охвата Целого. Чтобы уверенность была абсолютной, помимо общих соображений осталось разобрать одну конкретную религию.

Для этой цели можно взять ислам, буддизм, иудаизм и любую иную религию. Мне думается, оптимально взять христианство, потому что современная цивилизация из него выросла. Эта религия перекликается с исламом и иудаизмом по многим ключевым узлам. Ее рассмотрение включит в себя прямо иудаизм и косвенно ислам.

Рекомендую и настаиваю не пролистывать эту информацию одним глазом наискосок. Она даст ключ не только для понимания критики атеизма, которая будет следующей после христианства. Она даст ключ к пониманию корней современного мира.

Христианство

«Блаженны алчущие и жаждущие правды»

(Мф. 5, 6).

Фотография

В 63 году до нашей эры Помпей Великий взял столицу иудейского государства – Иерусалим. Он посетил Храм, центр религиозной и политической жизни иудеев. Войдя в святая святых, куда по иудейскому закону мог заходить только верховный жрец иудаизма, причем один раз в год и в состоянии полной ритуальной чистоты, Помпей ожидал увидеть там нечто особенное, за что насмерть стояли, сражались и умирали иудеи. Он увидел абсолютно пустую комнату. Это так потрясло полководца, что он упал в обморок.

За что же сражались иудеи, что защищали, чему молились? Где привычные идолы? Где, на худой конец, священные предметы? Не было ничего. Это было немыслимо. Вокруг чего же тогда вращалась религиозная жизнь Израиля?

Иудеи называли Богом силу, являвшуюся их предкам, выводившую их из Египта и сорок лет водившую по пустыне. Эту неведомую силу они считали своим хозяином. Отсюда и ее название – Господь, от слова «господин», хозяин, владыка.

Израиль того периода состоял из множества религиозно-политических групп. У каждой были свои особенности во взгляде на Бога, на мир, своя философия и ориентиры. Из-за этих разногласий все группы находились в той или иной оппозиции друг к другу.

В максимально крупных штрихах весь Израиль делился на три партии. Первую можно назвать жреческой. Ее образовывали потомственные священники, саддукеи. Их праотцов еще в пустыне Моисей провозгласил жрецами – служителями Господина.

Платформа жреческой партии заключалась в утверждении, что Господин передал Моисею на горе Синай ВСЮ информацию. Что Моисей записал ВСЮ информацию в корпус текстов, именуемых Закон (или Тора, Пятикнижие – первые пять книг Библии).

Жрецы видели свою миссию в сохранении чистоты Закона, чтобы никто не прибавил ни одной лишней буквы или запятой, равно как и не убавил ни одной буквы и запятой. Ибо Закон «…это завет вечный» (Лев. 24, 8); «…это

постановление вечное» (Лев. 24, 9).

Вторую партию Израиля можно назвать пророческой. Ее представляли две крупные фракции – фарисеи и ессеи. Занимая непересекающиеся ниши, они не враждовали. Ессеи жили в аскетизме, удалялись от политики и выступали за свободу от всякой власти. Фарисеи тоже были аскетами, но активно участвовали в политической жизни.

Платформа пророческой партии заключалась в утверждении, что Господин передал Моисею НЕ всю информацию, а лишь часть. Поэтому он периодически досылает людям информацию через своих посланников – людей, снискавших благорасположение в его глазах. Таких посланников, почтальонов божественной воли, называли пророками.

На этом основании пророческая партия, помимо Торы, к священным книгам относила Невиим (информация от пророков) и Ктувим (писания мудрецов и псалмы). Все вместе: Тора, Невиим и Ктувим – Танах (у христиан это первая часть Библии – Ветхий Завет).

Помимо этого, пророческая партия утверждала, что из информации, какая была передана Моисею, Господин велел записать малую часть. Основной объем он велел Моисею, по утверждению фарисеев, запомнить и устно передать избранным. С тех пор посвященные передают незаписанную информацию тысячелетиями из уст в уста.

Демаркационная линия, разделяющая партию священников (саддукеи) и партию пророков (фарисеи и ессеи), заключалась в том, что саддукеи утверждали абсолютную полноту Закона – информацию от Господина, записанную Моисеем в Тору. Жрецы говорили, что Богу нет необходимости досылать новые порции информации, потому что он абсолютно всё передал Моисею, а Моисей всё записал, и эти записи образуют Закон. Нет информации, какую бы Господин велел Моисею не записывать, а передавать устно.

Священники аргументировали свою позицию так: если бы Господин действительно не все сказал Моисею, а только часть, а из того, что сказал, не все велел записать, но лишь часть, а остальное велел передавать устно, их праотцы знали бы это. Эти сведения дошли бы до них, потомственных священников. Но если до них ничего такого не дошло, значит, Моисею не было

такого указания от Господина. Следовательно, все, называющие себя посланниками Бога, якобы принесшими от него свежую информацию, есть самозванцы, принесшие отсебятину. Закон предписывал побивать таких камнями. Жрецы призывали исполнить Закон, что народ охотно делал. Иисус по этому поводу сказал: «Иерусалим! Иерусалим, избивающий пророков и камнями побивающий посланных к тебе» (Лк. 13, 34).

С другой стороны, демаркационная линия, делившая иудаизм, состояла из аргументов противников жреческой партии. Представители пророческой партии, фарисеи с ессеями ссылались на места в Законе, где говорится о появлении пророков в Израиле. Если Господь сказал о них, значит, собирался досылать информацию. Иначе зачем было их упоминать?

Они говорили, что у приносимой пророками информации божественный характер. На это указывают совершаемые ими чудеса и предсказания, которые сбываются. Фарисеи и ессеи считали пророков не самозванцами и богохульниками, а посланниками Бога.

Жреческая партия на логику пророческой отвечала, что сатана может делать чудеса и быть источником информации о будущем. Фарисеи на это еще что-то возражали, а саддукеи возражали на возражение. Конца этим пререканиям не было видно…

Разногласия жреческой и пророческой партий касались как вопроса, все Бог сказал Моисею или не все, а Моисей все записал или часть, так и в мировоззренческих моментах. Например, саддукеи отрицали теорию воздаяния на том свете, загробную жизнь и воскресение мертвых, ангелов и демонов, потому что про это в Законе ничего нет. «Саддукеи, которые говорят, что нет воскресения» (Мф. 22, 23).

Представление саддукеев о загробной жизни формировало соответствующий образ земной жизни. Они полагали: если Господин ничего им не сказал про жизнь за гробом, значит, ее нет. Из этого строился их взгляд на земную жизнь.

Саддукеи считали: если они добросовестно стоят на страже Закона и борются со своими врагами, не щадя живота своего, не допускают искажения Закона, значит, они четко выполняют свой долг перед Богом. Следовательно, могут рассчитывать на награду.

В определении награды они исходили из того, что, если загробной жизни нет, значит, наградой являются земные блага. Их награда от Господина – положение при Храме. Это был центр жизни Израиля, куда каждый иудей отдавал десятую часть всех своих доходов – гигантские деньги. Саддукеи считали, что имеют право получать земные удовольствия, и потому после решения текущих нужд Храма жили по принципу «бери от жизни все».

Фарисеи очень выгодно выглядели на фоне роскошествующих священников. Они верили в загробную жизнь, теорию воздаяния, ангелов и демонов. Ключевой узел их веры – утверждение, что человек спасает свою душу одним лишь соблюдением Закона. Вера в жизнь после смерти давала фарисеям силы вести скромный образ жизни (потом эту теорию возьмут на знамя протестанты).

Ессеи были еще бо?льшими аскетами. Они жили коммунами, избегали удовольствий, не имели секса, исповедовали безбрачие, брали приемных детей в сознательном возрасте, чем обеспечивали себе идейную монолитность. Они не искали популярности в народе, но народ все равно симпатизировал фарисеям, считая их вождями и учителями.

Третью часть Израиля можно называть балластом – далекие от богословских споров обыватели, живущие бытовыми насущными занятиями. Они платили в Храм десятину, соблюдали ритуалы, традиции, посты и праздники. До всего остального им дела не было.

Движущей силой Израиля были две партии – жреческая и пророческая. Иосиф Флавий сравнивал представителей жреческой партии, саддукеев, с эпикурейцами. Так в Древней Греции назывались философы, объявившие смыслом жизни получение земных благ и чувственных наслаждений. Представителей пророческой партии, фарисеев, он уподоблял стоикам – философам, учившим, что счастье – свобода от страстей и спокойствие духа. А ессеев, представлявших ту же партию, он сравнивал с пифагорейцами – древнегреческими философами, закрытыми от сообщества, заявлявшими автономность души и хранившими свои знания в тайне от всех, кто не входил в их круг.

Роскошная жизнь и избыточное потребление напоказ резко отличали саддукеев от остальных иудеев. Общество это раздражало: «Бремена тяжелые и неудобоносимые возлагают на плечи людям, а сами не хотят и перстом двинуть их» (Мф. 23, 4).

Противостояние жреческой и пророческой партий длилось веками, никогда не прекращалось, и могло длиться бесконечно. Это был не тихий интеллигентный спор на плюшевых диванах. Это было столкновение мощных энергий, где каждая сторона готова была умереть за свою правду. Ибо жизнь по сравнению с вечностью – пустое место…

Израиль не был монолитом. Это было противоречивое и враждебное в религиозном смысле общество, как сейчас христианство. Как иудаизм был разделен на две основных партии, так и христианство разделено на две партии – католиков и православных, уже как тысячу лет спорящих, кто правильнее понимает Библию. Или как ислам, делящийся на шиитскую и суннитскую партии, уже тысячу лет выясняющие, как выбирать лидера мусульман – по крови, из семьи пророка, или по достоинствам, из всех мусульман.

Возникает вопрос, почему единое христианство и ислам раскололись по линии своих партий, а иудаизм не распадался? Объяснить это можно только наличием сдерживающей силы. Увидеть эту силу можно на примере атомного ядра.

Ядро состоит из нейтрально заряженных нейтронов и положительно заряженных протонов. Протоны отталкивают друг друга со страшной силой. Но ядро сохраняет свою цельность благодаря атомной силе, не дающей разлететься им в разные стороны.

Иудаизм состоял из отталкивающих друг друга партий, но сохранял единство за счет Храма. Он в иудаизме выступал в роли атомной силы. Каждый иудей считал его святыней и отдавать туда десятую часть доходов. Если Храм разрушался, иудаизм раскалывался со 100 %-ной гарантией. Образующие иудаизм группы разлетелись бы друг от друга точно так же, как разлетаются протоны, когда атомная сила не в состоянии их удержать. На этом принципе происходит атомный взрыв. По этой же технологии будет взорван иудаизм.

Дробление

В тот период на вершине цивилизации был эллинизм. Он имел колоссальное влияние на все культуры, с которыми соприкасался. Такое влияние сейчас имеет

на планете западная культура. Она задает мировой тренд, в котором развивается весь мир.

Саддукеи, являясь религиозной аристократией Израиля, по статусу были вынуждены заниматься не только внутренней политикой, но и внешней. Это означало, что именно они в первую очередь соприкасались с мировой культурой, носящей эллинский характер.

Они пропитывались ею так же, как сейчас население и лидеры всех незападных стран пропитываются западной культурой. Даже если правители некоторых диктатур изолируют свое население от ее влияния, сами они избежать этого влияния не могут.

Рим тоже был проникнут эллинским духом. Когда он завоевал Израиль и тот стал одной из римских провинций, перед Римом встал вопрос, как удержать завоеванное. Культурная близость римской власти и еврейского жречества предопределила ставку Рима на саддукеев при выстраивании отношений с покоренным Израилем.

Саддукеи откликнулись на сигнал из Рима и начали сотрудничать. Жреческая партия получила статус благонадежных друзей Рима. Саддукеев устраивала римская оккупация. Они рассудили, что под крылом мощной империи внешние враги не будут тревожить Израиль. Правда, здесь возникали противоречия с Законом, где говорилось, что Израиль должен быть на вершине мира в роли священников. Но по факту Израиль платил Риму дань, что противоречило слову Бога: «Будете у Меня царством священников и народом святым» (Исх. 19, 6). «Сделает тебя Господь Бог твой главою, а не хвостом, и будешь только на высоте, а не будешь внизу» (Втор. 28, 13).

Но, с другой стороны, а где вы видели священников, не умеющих обойти неудобные моменты? Как торговцы всегда находят оправдание своему бизнесу, даже если он 100 % несет вред обществу (курение, например), так и жрецы могут оправдать что угодно.

Саддукеи заявляют, что неисповедимы пути Господни, и может быть, именно через римскую оккупацию суждено сбыться божественному пророчеству. Остается только удивляться, что на самом деле так и вышло (про это детально поговорим во 2-й книге).

В этот период в народе возрастают мессианские настроения. Многие ждут мессию – освободителя Израиля от римского владычества. Любой, кто демонстрировал харизму, мог претендовать в пророческом движении и атмосфере ожидания на роль учителя и вождя.

Саддукеи не могли признать никакого мессию не только по религиозным мотивам, но и техническим. Как при наследственной монархии кровь определяет право на власть, так и при потомственном жречестве решающее значение играет кровь. Пока модель устойчива, носители королевской крови не могут признать над собой власть человека другой крови. Так же и потомственные жрецы не могут признать человека другой касты своим лидером.

Плюс к этому добавляются политические соображения. Саддукеям не нужны были волнения, которые неизбежно бы произвел человек, признанный народом мессией. Они желали сохранить стабильное положение и потому находили благо в римской оккупации.

Фарисеи не желали никого признавать мессией по политическим соображениям, но в ином контексте. Они видели себя лидерами освободительного движения. В оккупации они видели предлог поднять восстание и перехватить власть у саддукеев. Точнее, разделение власти, где за саддукеями осталась бы религиозная власть, а им досталась политическая.

Через пророчества о господстве над миром фарисеи пытаются сконцентрировать все силы Израиля на себе. Для этого народ должен только их признавать своими учителями. В этой ситуации всякий, кто заявлял себя пророком или мессией, становится помехой на пути к цели. Казус, но по факту пророческой партии могли помешать только пророки.

Фарисеям необходимо выступить против пророков. Но как выступить против своего же учения? В поисках выхода, чтобы и волки были сыты, и овцы целы, фарисеи объявляют всех новоявленных пророков лжепророками. Благо Закон говорит: если пророк позовет к иным богам, он лжепророк и его нужно убить. «Если восстанет среди тебя пророк… и представит тебе знамение или чудо, сбудется то знамение или чудо, и скажет притом: «пойдем вслед богов иных, которых ты не знаешь, и будем служить им» – то не слушайся слов пророка сего… ибо через сие искушает вас Господь… а пророка того должно предать

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/avtor_neustanovlennyy/spyaschiy-bog-018-seks-blokcheyn-i-novyy-mir

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить